

Нина Горланова, Вячеслав Букур

Это не первая публикация в нашем журнале живущих в Перми супругов Нины Викторовны Горлановой и Вячеслава Ивановича Букура: в № 4 за этот год читатели имели возможность познакомиться с их рассказом «Ай-ай, туман в глазах». Писатели работают много и плодотворно. У них выходят книги, их охотно печатают ведущие литературные журналы — «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Звезда»

В прекрасном количестве

Саше через месяц будет четыре года. Раньше-то он мечтал, чтоб ему подарили самовар.

В детском саду самовар, как гость, живет в отдельной комнате. Еще там есть матрешки и лапти.

Саша любил смотреть на самоварное блестящее пузо, потом подходил в упор и начинал ощупывать свое лицо: я это или не я там отражаюсь такой муляжешный?

— А нянечка говорит, что раньше вместо самовара был какой-то ленин, и комната называлась ленинская.

— Самовар — это Ленин сегодня, — ответила мама.

В прекрасном количестве

Старший брат Леха раньше обещал:

— Я спецвыпуск газеты... Я смогу, я успею к твоему дню рождения!

Он был в первом классе и немного важный: выпускал домашнюю газету. Тема первого номера: бессмертие. Тема второго: будущее. Ну а третий номер был про живой уголок.

Спецкор папа участвовал лишь в первом номере: «Бессмертие таракана: что делать?».

А в газете про живой уголок было много всего! Очень! Сначала заметка: «Понос черепахи позади». Начиналась так: «Пишет Алексей Чибисов. Вчера черепаха поела творожную запеканку, которую мама дала котенку...» Затем Леха переписал в газету объявление, которое сам же развесил по подъездам двух домов: «Потерялся зеленый волнистый попугайчик. Кто нашел, верните. Будет вознаграждение. Пожалуйста! Говорит: Кеша, птичка».

— Наверное, попугай почувствовал все заранее и смылся.

— Он подумал: хозяин проиграет зарплату второй раз, и тут такое начнется!

Братья шептались друг с другом — сверху вниз и снизу вверх, потому что лежали на двухэтажной кровати. Да-да! Отец уже второй раз оставлял в игровых автоматах всё до копейки.

А младший брат Ваня за два года жизни накопил уже много способов выживать. Он стал увесисто ходить по детской и рычать: «Папа мой! Мама моя!» И косил грозно взглядом: ну-ка выходи, кто хочет разбить наш крепкий живой уголок, а в нем — папа, мама, Леха, Саша, я, рыбки, черепаха, кот, а попугай Кеша тю-тю через форточку.

Саша вдруг зарыдал, но объяснил брату: мол, просто собак жалко, которые на улице, — на холоде остались и лают.

Тут Леха вскочил, подбежал к иконе Николая Угодника и чуть ли не требовательно спросил:

— Ну почему ты сделал, что у всех отцы деньги домой приносят, а у нас проиграл?

Саша добавил:

— У меня в группе Герман всех кусает, а у него папа вон какой хороший. А я не кусаюсь, а папа все больше проигрывает: сначала восемь тысяч, потом десять.

Тут мама стала надевать шубу. А за окном так темно! Поэтому Леха начал лихорадочно спрашивать у нее:

— Поможешь мне сочинить задачу? Сначала восемь, потом на два больше, и сколько вместе.

Мама выдала самоварным голосом:

— Черепаха сделала восемь куч под кроватью Вани, а под столом — на две кучи больше...

— Куда пошла? — спросил Саша.

— Искать вам нового папу.

Прошло время.

— Ну что, нашла?

— Нашла.

— А как его зовут?

— Коля.

— А где он?

— Да вон под окном в снегу прикопала, чтоб не испортился.

Саша покачал головой: плохая шутка.

На воскресенье мама повезла братьев в гости к бабушке с дедом. Как всегда. А папу бросила дома и сказала:

— Сиди тут, гений азарта!

— А ты втяни свой живот! — закричал папа.

Саша был поражен. Как это — маме втянуть такой прекрасный, такой теплый... А мама закричала:

— А ты отдери свой живот от позвоночника!

Тут Саша был вообще сражен. Отодрать — такой твердый, в квадратиках! И отчаянно завыл. И в первый раз за всю бесконечную четырехлетнюю жизнь к нему никто не бросился. И только Ваня, пускаясь в дальний путь со своим прозрачным мешком, утрюмо напомнил:

— Мама моя, папа мой.

Он был умнее всех, Ваня-то.

В какой дальний путь Ваня уходил по квартире, это только он знал. Все остальные видели со стороны вот что: он навешивал на себя шарф, складывал в большой пакет книжку, варежку, несколько конфет и динозаврика, махал рукой из стороны в сторону, как когда-то член политбюро (пока-пока!), а потом уходил путешествовать к спальне. И так раз двадцать за день.

— Пржевальский! Миклухо-Маклай! — умилилась на Ваню мама, пока папа не проиграл.

По дороге на автобусную остановку мама молчала. А ведь раньше она всегда учила детей по следам узнавать всё: кошек, собак, птиц. Саша решил это молчание залепить:

— Я вчера на прогулке говорю Герману: «Смотри, смотри, деньги!» Герман: «Где?» А я ему: «Проверка жадности!» Он тут полез. А я его ка-ак...

Тут они сели в автобус, в котором уже сидел Герман. Он говорил:

— Куплю шоколадку за три рубля, продам за пять рублей.

В прекрасном количестве

— Боже мой, да кто же у тебя ее купит! — измученно крикнула его мама.

Герман изумленно посмотрел на нее: мол, как это — кто купит, ведь шоколадка такая вкусная!

Саше хотелось услышать, что там дальше с деньгами от шоколадки случится, но тут, как всегда, остановка неожиданно подскочила, и мама поволокла их к выходу.

Сразу от дверей он заявил бабушке:

— Когда я вырасту и буду стричься не в «Ежике», а вместе с большими, я никогда не буду проигрывать деньги!

— А буду только выигрывать, — едко добавил дед.

Бабушка засмеялась, но как-то не по-настоящему, потому что закружилась, как глобус, вокруг своей оси. А дедушка подмигнул Саше, но тоже невесело. И тут вопрос: зачем взрослые шутят, когда им невесело? Саша так и спросил деда, а дед честно ответил:

— Понимаешь, старина, Бергсон тоже уперся в тайну смеха, но так ничего толком не мог объяснить. Все только твердил: интуиция, интуиция.

Саша замер, запоминая восхитительные слова, чтобы сказануть их со страшной силой в детсаду и тут же получить в ответ: «Сашка умный — по горшкам дежурный».

После чего он схватил бутылку из-под минералки, пристроил ее себе на колени, как гитару, и объявил:

— Выступает лауреат живого уголка, солист Саша Чибисов!

Потом он откинулся на спинку дивана, забил ногтями по выпуклому пластику и запел:

Папа, папа, что ты хочешь?

Играть-проиграть,

Играть-проиграть,

Вот и всё, вот и всё.

И больше ни-ни, и больше ни-ни!

— Ведь все для чего-то нужного случается, — вдруг успокоилась бабушка. — Отец продурлся, а дети никогда не будут играть на деньги.

Тут позвонила какая-то многочисленная подружка. Бабушка ее послушала и говорит:

— У нас тоже проблем!.. Зять вообще играет.

— Играет на сцене театра, — добавил дед, ужасно двигая пальцами, глазами, ушами. (Он этим говорил: не надо всему миру докладывать.)

— Бабушка, что сказала твоя многочисленная подруга? — спросил Саша.

— Оно опять запыло.

— Бабушка, что хуже: когда оно пьет или когда оно проигралось?

Тут бабушка опять проделала свой фирменный фокус — сразу засмеялась и зарыдала:

— Варя сказала вот что: ведь Анна Григорьевна Достоевская пошла бы гонорар получать вместе с Федором Михайловичем, чтобы он не проиграл все в рулетку.

Леха тут сказал:

— Бабушка, у тебя по экватору пояс халата развязался.

Она сразу воздела руки и закричала:

— Какую силу воли нужно иметь, чтобы сесть на диету! А зятю еще труднее!

Ваня почувствовал, что пора отложить очередной поход вдаль. Он изобразил присядку: пригнулся, резко вставал, отрывал от пола то одну ногу, то другую. При этом он пел боевую песню двухлетнего человека: ха, ха, фа, фа! Мама посмотрела на него и сказала:

— Танцуешь? А потом пойдешь на автоматах играть?

Ваня упал от неожиданности, но упорно гнул свою линию, крича:

— Мама моя! Папа мой!

— Да, — подтвердил Саша, — папа принесет зарплату. Но ты, мама, должна идти с ним, как Анна эта ваша Григорьевна.

Леха тут включил телевизор: свой любимый канал про живую природу. Там показали, как паучиха съедает паука.

— Дед, а разве друзья-пауки не сказали ему, что паучиха может его съесть?

— Ну, если все друзья разводятся, а ты решил жениться, то все равно ведь не помотришь на разводы друзей, — ответил дед.

— А до того, как мы родились, была зима или осень? — спросил Саша.

— А так все и шло: осень, зима, потом весна и лето.

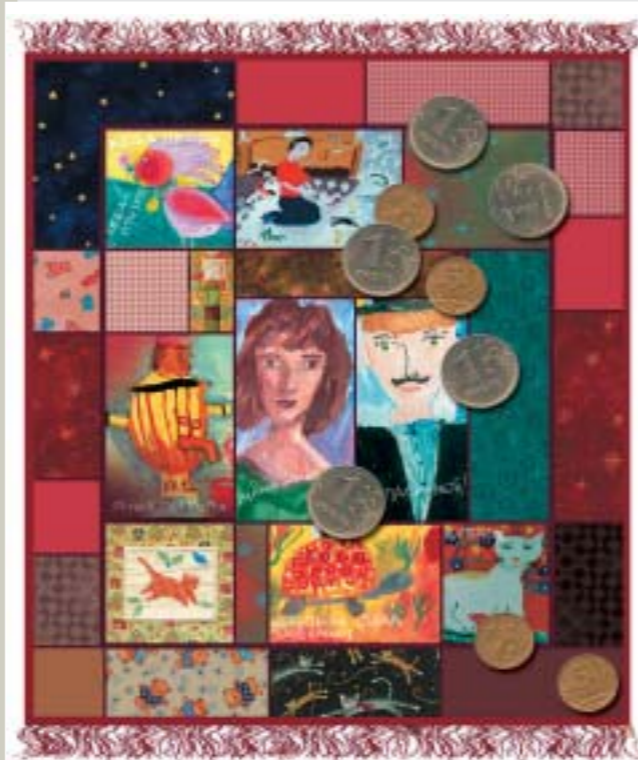
Саша был поражен: их не было с братьями, а все уже шло и шло.

Бабушка сказала, что Саша во время дневного сна кричал: «Герман, сейчас я тебя так укушу!»

— Бабушка, а почему к папе ангел не прилетел и не сказал: нельзя проигрывать деньги?

— Наверное, ангел прилетал, да твой папа принял его за разряд электричества...

Саша знал: в детском саду Герман дружит с Васей, потому что у них дома компьютеры. Вот если бы папа не проигрывал зарплату, а купил компьютер...

Только вернулись домой, как в дверь к Чибисовым позвонили. Мама открыла. Стоит мальчик, весь сторбленный, печальные глаза. Рядом с ним старенькая бабушка:

— Алексей здесь живет?

— Здесь. — Мама была в ужасе: — Это он что-то сделал вашему мальчику? О Боже!

— Учительница просила расписаться: двойки у Алеши в тетради.

— Всего-то? А я уж подумала... А почему мальчик ваш такой согбенный?

— Болеет. Мы только что из поликлиники, это к Алеше не относится.

Радости мамы не было предела. Но Алеша-то не знает этого: он испугался, что мама задаст за двойки, побежал к раковине и стал сильно сморкаться, зная, что кровь пойдет. И кровь пошла. Тогда мама врезала ему по заднице. И стыд охватил ее.

— Где нервы взять на все это?! — закричала она

А еще недавно были совсем другие проблемы. Например, папа мог поинтересоваться, почему Саша пришел понурый из детского сада.

— А кукаркать не умею!

— Да, это серьезно. А что — все уже умеют?

— Все.

— Ну, а есть что-нибудь хорошее-то?

— Есть. Хрюкать научился.

Папа по-свойски облапил его плечо:

— Ну вот, видишь, брат, какая жизнь-то неплохая: хрюкать ты умеешь.

А теперь что? Саша твердо решил, что не будет кричать, как мама. И остались одни шутки:

— Ты, папа, осень без ягод.

— А ты, сынок, уши без мыла.

И во время этих шуток Саша почему-то вспоминал, как стоял в углу и никуда нельзя было пойти. И теперь каждый вечер Саша начинал с двух главных фраз, когда приходил из детсада:

— Папа, ты принес зарплату? Скажи маме, что ты принес зарплату!

Папа не двигался с места. Один раз Саша даже начал ныть без слов, потому что ничего не получалось. Мама тут как тут, ничего не спросила, сразу говорит:

— Чего ты как маленький, ты уже большой.

Но в какой-то вечер папа вдруг разразился:

Среди унылых чибисов,
Свихнувшихся с копыт,
Один лишь Саша Чибисов
Пушистый сидит.

Саша выслушал, сжал все выросшие к этому дню зубы и подумал: ничего, все становится лучше, еще до воскресенья буду каждый день говорить про зарплату. Никакого Колю не надо будет выкапывать из-под снега, потому что папа принесет зарплату в прекрасном количестве.

Небо заходит в грудь

— **Р**акета летела-летела и села, — бормотал Горка, — ушла глубоко в планету. Спасатели начали откапывать. И там же была звездоокая Лианея, дочь Трех Солнц...

Рядом дышит инопланетянин, рогатый и на четырех ногах. И как наступит каменным копытом на ногу!

— Лыска! — завизжал Горка.

Корова в знак извинения прошлась языком по его щеке — теперь до вечера половина лица будет гореть. А тут отец заходит:

— Ты что, п... рогатая, моего Георгия обижаешь?

А мы все для тебя, надо тебе витамины — вот я купил тебе витамины, надо тебе ветеринара — и вот ему я мотор перебрал.

Все понятно: воскресная стопка имела место. Отец взял вилы, и комья навоза только полетели со свистом в окошко.

Прихрамывая, Горка вышел из сарая. Так, прикинул он, ракету я практически спас, от нападения инопланетного туземца я пострадал, пойду отлежусь в межзвездном модуле, почти таю, что там дальше с Гарри Поттером.

А Аполлон-то Засушенный еще ничего не сделал, только выбрел из дома, хрустит ногами по снегу к своему сараю. А вдруг он новость сообщит! От новости ведь себя не помнишь, так что приходится все силы бросать на то, чтобы сохранить на лице взрослое мужское выражение.

Увидев Горку, Аполлон Засушенный свернул к забору. Привет — привет.

— Идешь в шахту?

— Сейчас по-легкому разбросаю завалы угля и всех спасу.

Что значило: быстро выкидаю весь навоз.

У Аполлона Засушенного отец работал шахтером, и поэтому Павел непрерывно играл в спасение из-под земли.

А Витька Попеляев представлял все время, что он разминировать поле, как его старший брат — сапер в Чечне. И надо очень осторожно выкидывать мины — комья навоза. Больше всего взрывчатого вещества скопилось возле задних ног коровы.

А вот он и бежит, Витька, и кричит:

— Горка! Пашка! — Потом спохватился и сказал солидно: — Ребя, там интернатскую привезли, мертвую. Поканал, посмотрим!

— Я хромаю...

— Ну и что! Шофер-то поседел весь! Пошли!

Предчувствуемая жуть уже летала между ними и звала повзрослеть еще сильнее. Они побежали по припорошенной, с блестками, дороге. Как всегда, навстречу им попалась Изюмская, которая подчеркнуто рассеянно посмотрела на Горку и сказала:

— А я уже все видела, ничего интересного.

Между мертвой Поздеевой и живой мной кого надо выбирать, непонятно, что ли? Вдруг она клоунски повела глазами в сторону:

— По химии не могу разобраться, завтра понедельник, и всегда химик по понедельникам меня спрашивает.

Горка на миг задумался, и его осенило:

— Потому что Сей Сеич по понедельникам с похмелья. У тебя фамилия Изюмская, а из изюма, знаешь, какая бражка получается!

— Да ты просто Каменская в штанах! Так я приду?

— Я не знаю... Наверно, сегодня никак.

Вот если бы тебя звали не Ольга, а Лианя, дочь Трех Солнц, подумал Горка, вот тогда была бы встреча в параллельном мире!

Он догнал ребят. Они сначала обгоняли одинокие фигуры, потом эти шагающие фигуры кучковались по двойкам, по тройкам и в конце, перед домом Поздеевых, сбились в пестрый ковер лиц, ждущих подробностей. Розовел над ними пласт дыхательного пара.

Первым делом Горка сразу выделил лицо свирепой красоты, слегка постаревшее. Это был учитель химии, который думал: «Прекрасны жемчужные завитки пара и этот брейгелевский пронзительный снег. И никому про это не скажешь. Не поймут».

В голове у Горки прокручивались слова собравшихся людей:

— Неужели сама выпала под колеса?

— Да приставал он к ней!

— Мирошникову пора прятаться, а то...

— А то что? У нас тут не Кавказ, не кровная месть.

Наелись вы телевизора и ничего не понимаете.

— Кто не понимает? Я не понимаю? Как вы можете так говорить, если я всю жизнь проработала главным бухгалтером!

Кто же не знает, что деревня — это беспрерывный мозговой шторм.

Приехал следователь, выдернутый из-за праздничного стола. Поэтому он говорил мрачно: «Щас всех опросим», и было видно, как внутри него чувство долга жестоко борется с алкоголем. Качнувшись, шепнул что-то участковому милиционеру, и тот стал обходить толпу: просил всех не расходиться. Тотчас все начали расходиться.

Нашли фургон, чтобы перевезти тело в фельдшерский пункт для вскрытия. Вынесли человеческую фигуру, завернутую в одеяло. Мать шла рядом и с жуткой разумностью спрашивала у тех, кто еще не разбежался:

— Она меня сейчас видит, нет?

Кто-то сказал, что видит, а кто-то проявил принципиальность, которую огласил Сей Сеич:

— Молекулы перестали двигаться, и драгоценное сознание распалось.

Твоя принципиальность,
Как плохое вино,
Напоило нас
Горькой чернотой.

Горка привычно запоминал слова, которые мерцали в голове друг за другом.

Ветер снег уносит
Не знаю куда.

Но осторожной кошкой
Вернулось желание жить.

Вечером Горка присоединился к разговору родителей, когда за ужином они скупно обсуждали горе Поздеевых:

— Мам, почему все шумят, что шофер приставал к ней? — Он выпрямился, мысленно поместил во рту трубку и стал говорить прекрасным квакающим голосом артиста Ливанова-Холмса: — Во-первых, Мирошников только и ходил из дому на работу и с работы домой.

— Запруду сделал у ручья, карпов туда запустил, — добавила мать Горки.

Сын посмотрел на нее с выражением, как иногда смотрел отец (мол, женщина, что такое?) и продолжал:

— Во-вторых, он же поседел от потрясения. А если бы он был гад... Гады не седеют. В-третьих же — все происходило в глухом лесу, и он мог бы ее закопать в снегу, и до лета бы тела никто не увидел. Это же элементарно!

Отец сказал:

— Ну, Горка, ты казак: туда побежал, здесь сшурупил.

— Просто адвокат какой-то! — добавила мать.

А лучше бы сказали: мол, сэр Джордж, вы блестяще проанализировали эту комбинацию.

В это время пришла соседка Маруся Семиколенных. Она попросила листочек алоэ:

— Еще и палец нарывает! И так вечером упаду перед иконами, реву-реву, кричу-кричу!

— Вся Васильевка знает: Маруся молится, — встал отец с непроницаемым лицом.

— Ну ничего: утром выпью водочки, запляшу, запою! Уныние ведь смертный грех.

— И вся Васильевка слышит: Маруся борется с унынием.

— У нас алой засох, пока к дочке ездила. Мой бегемот пьяный не поливал...

— Ну какой же он бегемот, если в декабре заработал пять тысяч.

Маруся от возмущения казнила алоэ, только сок брызнул:

— Заработал, да все в горло пошло. Когда прихожу на исповедь, так и говорю: отец Сергей, надо что-то со мной делать. Мой так пьет, терпение ведь кончается, так и хочется топором его тюкнуть. А батюшка мне: тише, тише.

— Нет, зачем же, — невозмутимо заметил отец. — Пусть вся Васильевка знает: наша Маруся кается.

Маруся слегка смолкла, показывая своим видом: вы думаете, я за алоем пришла? Понюхала табаку, мелко потряслась, как трясогузка, взлетела с табуретки и сказала:

— Надо бежать. Сегодня к Поздеевым ходила, два часа как не бывало, а самогонки еще не нагнано к моему дню рождения. Да, хорошо, что у них еще дети есть.

Мать щедро отрезала Марусе еще пару целебных шипастых листьев алоэ вместо прежних и как бы невзначай обронила:

— А Горка сказал, что Мирошников не мог ничего такого над ней сотворить. Ведь гляди, какой у него сад! Какие арбузы в теплице!

— И кролики как из воздуха плодятся, — добавил отец и закурил.

— Все завидуют, ведь в чужих руках всё толще, вот и говорят о нем что попало, — сказала Маруся.

Две струи дыма из отцовских ноздрей свивались и иллюстрировали перепутанность этого дела.

— А вы... возьмите пол-литру и идите к Ивану Яковлевичу, там следователь остался ночевать. — Маруся подумала и добавила ради истины: — Хоть к рукам нашего участкового что-то прилипает, но он еще неплохой.

Горка тут сразу воткнулся в очередное размышление: как это — взятки берет, но вот прошлым летом обкуренная молодежь из района на «газели» сбита старика и помчалась дальше. Так Иван Яковлевич пустился за ними на старом «уазике»! Неизвестно, что там произошло в лесу, но участковый привез их обратно на «газели» всех семерых — связанных, избитых, а у одного было прострелено плечо.

У Ивана Яковлевича было еще много талантов: например, он хорошо пел. Как из него могуче изливалась «Многая лета» на юбилее Васильевки!

Пока родители отсутствовали, Горка боролся со страхом, бормотал: такой он сообразительный, этот Георгий, все его любят, Изюмская сказала: ты Каменская с яйцами... то есть не так сказала, но с таким смыслом... И вдруг — раз, и в яму под деревянный крест?! Горка словно весь налился безнадежной жидкостью, но избавился от нее с помощью привычного хода мысли: наука что-нибудь придумает, молекулярное омоложение там...

У участкового было простое лицо лесника. Отец Горки помячил перед этим лицом склянкой и сказал:

— Что ты тут думаешь? Давай зови следователя.

— Он спит.

— Да, слабые эти городские... Знаешь, если Мирошников хотел бы все скрыть, он бы ее в снегу закопал, звери кости растащат — и всё.

— По делу говоришь, — одобрил участковый. — Да я и сам Мирошников в обиду не дам. Он же наш, васильевский.

Склянка звенела о края стопок до тех пор, пока отец Горки не сказал, глядя на плакат с губернатором:

— Пора кончать, а то у двуглавого орла уже три головы появилось.

А Петр Мирошников в это время говорил жене:

— Не могу спать.

Уж дальше он не продолжал, что видит задушенную у комода. Но жена догадывалась: у него все время было разговаривающее лицо, то темнеет, то светлеет.

Вышел Петр в сад, однако и туда она успела: стоит возле занесенного снегом пруда в какой-то рубашке белой и нисколько не мерзнет. Тут Петр не выдержал, и прорвался у него разговор наружу:

— Конечно, я виноват, что не проверил дверь...

— Петя, — позвал сзади голос жены, — пойдём домой, не мерзни, здесь никого нет.

В самом деле, подумал Петр, зачем я буду за этой белой рубашкой по огородам бегать. Дома он сел и включил телевизор, и ему под ноги высыпались слова диктора:

— И только таким образом призрак стал понятнее и человечнее...

Жена — домашнее МЧС — выхватила у него пульт и погасила экран. Петр стал ее успокаивать: сейчас я засну, засну. Лег и вдруг на самом деле заснул.

В холодном белом свете кладбищенская ворона сидела на ветке и смотрела на всех. Лицо Сей Сеича и здесь выделялось из всех лиц свирепой красотой. Он взял Горку за локоть и изрек:

— Когда и я умру, найдите и поставьте мне реквием Моцарта.

Аполлон Засушенный услужливо закивал:

— Да, да. А если не найдем, поставим Киркорова.

Горка занес в стайку на подстилку солому, и она засияла как солнце. Лыска тяжело задыхалась и просяще посмотрела на него, то есть в его лице — на всех людей. Горка вспомнил, как по телевизору антилопа на бегу родила, детеныш шлепнулся, и мать недоуменно стала оглядываться: что-то легко стало, кажется, надо уже о ком-то заботиться.

Горка вприпрыжку бежал домой и думал: домашние животные тяжело рожают, потому что зимой мало двигаются. Вот бы их прогуливать как-то по графику...

— Мама, мама, Лыска рожает!

Мама засияла слезами, улыбкой, боком глянула в сторону божницы, и они втроем изо всех сил побежали в сарай. У отца было ведро с теплой водой, а Горка нес хлеб с солью. Радуюсь тут, думал он, а чего радоваться? Вырастет бычок, зарежем его осенью и будем есть. Как сейчас доедаем его брата Мартика.

Но возбужденный шепот родителей и первое короткое мычание теленка, похожее на нежный рожок, — всё слилось в какое-то нелепое, но сокрушительное доказательство жизни, и оно отменило Горкины печальные мысли.

Посреди леса лежало продолговатое небо с облаками. Жара жгла как крапива. Горка помчался, на ходу раздеваясь, и залетел с размаху в голубую прохладу озера, дробя всё вокруг себя в жидкие алмазы. И снова пошли, постукивая, звуки:

Небо словно заходит в грудь

И создает душу...

Устройство под названием стрекоза испугалось, стартовало с камыша и понеслось над живым зеркалом, переливаясь и треща.

Горка любил купаться без всего, первозданно, обнимаемый извивами умной влаги со всех сторон. Он

Небо заходит в грудь

нырял и выныривал с ожиданием, что миг — и он родится в какую-то новую, очень всем нужную жизнь.

А Сей Сеич тоже думал в моем возрасте, наверно, замирая в мечтах гладиаторским лицом, что вырвется... а кончил ежедневной спиртовой пропиткой.

Горка вышел на берег — из драгоценности воды, сияя как жемчужина.

Вот бы сейчас его увидела Лианея — дочь Трех Солнц, которая в последнее время все чаще представляется с лицом Изюмской.

Вдруг он заметил, что пиявка присосалась к левому колену. «Сейчас я избавлюсь от тебя, чудовище, достану свой бластер». И прицельно помочился.

Пиявка отпала — он не стал ее давить. Ползи к своей судьбе.

Липы цветут, у них сегодня большой прием пчел. Вот бы сейчас пчелой вжикнуть домой. После купания сил не осталось, ноги — ленивый студень без мышц. А до дому еще пойти пять километров!

И тут весь накопившийся зной раскололся в неожиданном звуке. Горка прыгнул в сторону. Дядя Коля снял руку с сигнала и захохотал:

— Садись, прокачу!

Но вместо радости, что час по жаре превращается в десять минут езды с ветерком... забоялся Горка, если честно. Сейчас засну, выпаду, и под колесо! Поседевший дядя Коля, причитания матери... А ведь с этой осени буду учиться в интернате, надо ездить на попутках, пора привыкать.

— Что, сцъшь? — проникательно спросил дядя Коля. — Не надо, бесполезно. Я в твои годы от мачехи ушел, волков видел стаи! Садись.

Потом он закурил и приказал:

— Рассказывай что-нибудь, а то я за сутки тут к баранке прирос, как бы не заснуть.

— Дядь Коля, Мирошников вчера привез новую породу карпов, говорят — генная инженерия.

— Ну и правильно, это лучше, чем ночами гоняться за мертвой Поздеевой. Видел я в одном фильме: по ночам рыбы-мутанты выползали из воды, залезали на березу и пели — как соловьи.

Оформление Т.Деягиной